

Глава 1. Маленький дурачок

Чу Ван отрешённо сжимал в ладонях нефритовую подвеску, сидя на каменной скамье в саду.

Слуги давно привыкли, что маленький цзюньван не блещет умом и вечно витает в облаках. Даже если бы он просидел так неподвижно целый час, никто не заподозрил бы неладное.

«Почему же Чигуань хочет мне навредить?.. Разве ему больше не нравится играть со мной?»

Маленький цзюньван был поразительно хорош собой: правильные черты лица, ясные глаза и белозубая улыбка. Если он просто молча сидел, никто бы и не догадался, что перед ним — несчастный ребёнок, которому в детстве дали яд, превратив его в маленького дурачка.

Сейчас этот дурачок растерянно разглядывал нефрит и безмолвно вопрошал пустоту в своём сердце.

Стоило ему сжать подвеску в форме журавля, подаренную настоятелем храма Ляодэ, как в голове раздавался мужской голос.

«Дай Чигуань тебя не любит, — голос невидимого собеседника звучал настойчиво. — Он лишь пользуется твоей симпатией, чтобы обрести власть при дворе».

Чу Ван непонимающе хлопнул ресницами:

— Не понимаю.

«Тебе нравится играть с ним, — продолжал голос размеренно и бесстрастно. — А твой старший брат-император, оберегая тебя, заодно покровительствует и ему. Благодаря этому Дай Чигуань идёт к успеху в делах министерских, точно по маслу».

Чу Ван погладил изящную длинную шею нефритового журавля и, немного подумав, ответил:

— Ну да, мне нравится играть с Чигуанем. Я не совсем понимаю твои слова, но знаю, что старший брат-император его защищает. Чигуань наверняка этому рад.

Он на мгновение замер, а затем убеждённо кивнул сам себе:

— Вот! Если он будет счастлив, то и я тоже.

Темп речи таинственного мужчины наконец немного ускорился:

«Ты его любишь, а он мечтает о твоей смерти. Что, если Дай Чигуань захочет обменять твою жизнь на своё продвижение по службе? Он не просто тебя не любит — он жаждет твоего исчезновения».

Пухлые пальцы, ласкавшие фигурку, внезапно замерли.

В глазах маленького цзюньвана промелькнуло замешательство, но он тут же решительно качнул головой:

— Нет, Чигуань добр ко мне. Он никогда так не поступит.

Чу Ван поспешно прикрепил подвеску к поясу и, понизив голос, добавил:

— Больше не смей говорить о нём гадости! Иначе... иначе я расскажу настоятелю, что ты заговорил!

«...»

Заметив, что хозяин поднялся, слуга подошёл ближе и с любопытством спросил:

— Цзюньван, кто же это заговорил?

Чу Ван вздрогнул, испуганно прижал ладонь к губам и затряс головой. Слуга, не придав этому значения, лишь улыбнулся:

— Вы уже порядочно пробыли в храме Ляодэ. Сегодня Его Величество прислал весточку: спрашивает, не желаете ли вы вернуться? В покоях как раз начали готовить грушевые пирожные.

Чу Ван мгновенно подпрыгнул на месте:

— Да, да, да! Прямо сейчас собираемся и едем во дворец!

Внезапно он о чём-то вспомнил и добавил:

— И не забудьте позвать Чигуаня! Я хочу угостить его пирожными!

«Дай Чигуань вовсе не плохой человек, он ко мне очень добр»

Пятый император династии Чжоу взошёл на престол после кровавого переворота. Те страницы истории были запечатаны прахом и пеплом: принцы истребляли друг друга, а народ страдал от бесконечных бедствий. Когда новый правитель принял корону, все его братья были мертвы. Все, кроме Чу Вана, который был младше его почти на тридцать лет.

Чу Ван тоже пострадал в той смуте. Ещё в колыбели ему дали яд, который навсегда повредил разум.

Став императором, брат даровал Чу Вану титул цзюньвана. И хотя у того не было собственных земель, каждый в империи знал: Его Величество души не чаёт в младшем брате и исполнит любой его каприз.

Прошло уже десять лет с начала нынешнего правления. Чу Вану исполнилось восемнадцать, но умом он оставался сущим ребёнком. Пока император оберегал его, он мог жить, не зная горестей и забот.

Сердце Чу Вана принадлежало Дай Чигуаню — столичному таланту и его сверстнику. В пятнадцать лет тот блестяще сдал экзамены, прославившись на всю округу, и теперь занимал пост заместителя министра ритуалов. Красивый, молодой и перспективный — он должен был стать мечтой всех незамужних девиц столицы.

Однако из-за того, что маленький цзюньван открыто проявлял к нему симпатию, никто не осмеливался свататься в дом Дай. И хотя в династии Чжоу, в отличие от предыдущих эпох, браки между мужчинами не были на пике моды, нравы оставались достаточно свободными, чтобы на подобное смотрели сквозь пальцы.

В глазах окружающих Дай Чигуань уже давно считался будущей супругой цзюньвана. Даже император ждал лишь того момента, когда Чу Ван немного повзрослеет, чтобы справить свадьбу.

Стоило Чу Вану подумать о дворцовых лакомствах, как у него чуть слюнки не потекли. Подгоняемый его нетерпением, экипаж нёсся во весь опор и меньше чем за полдня достиг ворот императорского города.

— А где Чигуань? — нетерпеливо спросил Чу Ван, едва сойдя с подножки экипажа.

Слуга почтительно поклонился:

— Сегодня день отдыха, господина Дая нет на службе.

В глазах Чу Вана отразилось разочарование:

— Значит, он не смог прийти?

Прошлой весной они с Чигуанем договорились, что в следующем году обязательно вместе отведают грушевых пирожных.

— Мы уже передали весть страже у поместья Дай, — ответил слуга. — Если господин Дай успеет, он обязательно прибудет.

Глаза Чу Вана тотчас засияли:

— Вот и славно! Тогда пойдёмте скорее! Я сначала сам попробую, вкусные ли пирожные в этом году, чтобы потом угостить Чигуаня!

Слуга не смел возражать и лишь низко склонил голову:

— Слушаюсь.

Чу Ван вдруг вспомнил слова голоса из подвески — о том, что Дай Чигуань его не любит, а на встречи является лишь по принуждению, втайне мечтая найти тысячу оправданий, чтобы только не видеть его.

Но маленький цзюньван решительно потрянул головой, отгоняя эти мысли.

Чигуань добр к нему, а всё остальное — наглая ложь.

Чэн Яню ещё не доводилось встречать подопечного более сложного, чем этот маленький дурачок. Он был упрям до крайности: если вбил себе что-то в голову — не переубедишь, верит только тому, что сам решил.

«Ну да ладно, — думал Чэн Янь, чья бесплотная душа томилась внутри нефрита. — По крайней мере, этот простак не боялся общаться со мной и доверял охотнее, чем обычные люди».

Как-то раз Чэн Яню достался носитель с такой подозрительностью, что тот засунул артефакт в самый дальний ящик сундука на семь лет и вытащил только в смертный час, решив в отчаянии ухватиться за последнюю соломинку.

Чэн Янь был системой. Системой самоспасения пушечного мяса под номером 001. Он странствовал между мирами в поисках людей с трагической судьбой, помогая им изменить жизнь. Когда их заветные желания исполнялись, Чэн Янь забирал их души в качестве платы —

или, если угодно, вознаграждения.

Он уже и сам сбился со счёта, сколько миров посетил. И вовсе не потому, что успешно завершил великое множество заданий, а просто из-за своей феноменальной лени. После каждой миссии Чэн Янь уходил в затяжной отпуск и не брался за новое дело до тех пор, пока запасы силы души не истощались окончательно...

«Эх, как же хочется в отпуск».

Эта мысль тоскливо витала внутри подвески. Глядя на маленького дурачка, которого предстояло спасти в этот раз, Чэн Янь понимал: отдых ему не светит ещё очень долго.

В тот день Дай Чигуань так и не явился. Зато грушевые пирожные оказались удивительно нежными и в меру сладкими. Чу Ван съел столько, что едва не лопнул, запивая их ароматным чаем, и это заметно подняло ему настроение.

Вечером, когда за ним никто не присматривал, он тайком пропустил ужин. Поднялся свежий ночной ветерок. Устроившись на кушетке, Чу Ван одной рукой поглаживал округлившийся животик, а в другой сжимал подвеску.

— Ты вообще кто такой? — наконец спросил он.

Этот вопрос задавал почти каждый подопечный. Чэн Янь был готов и ответил так, чтобы Чу Ван смог понять:

«Я — нефрит, обретший разум. Я ведаю прошлым и будущим. Настоятель отдал меня тебе, ибо прозрел в твоей судьбе грядущую беду, и я здесь, чтобы помочь тебе».

Придумать себе убедительную легенду для каждого нового мира — это обязательный урок для любой системы. Без высшего балла за него не допускают к работе.

Чу Ван оторопел:

— Беда... Неужели это как-то связано с Чигуанем?

«Надо же, а он не такой уж и безнадёжный», — подумал Чэн Янь.

В глазах Чу Вана отразилась тревога, но слова его были совсем о другом:

— Может, Чигуаню грозит опасность, и поэтому ты хочешь, чтобы я держался от него подальше? Что с ним случится? Прошу тебя, спаси его!

«...»

Если бы нефрит мог захлебнуться, Чэн Янь уже был бы мёртв!

Такой редкий экземпляр, как этот маленький дурачок, встречался ему впервые. Насмотревшись на лицемерие и фальшь в других мирах, он был почти обезоружен этой искренностью.

Он понимал: Чу Ван верит Дай Чигуаню куда больше, чем странному голосу из камня. В одночасье это не изменить.

Чэн Янь немного помолчал и произнёс:

«Я не могу раскрывать всё, что случится в будущем. К тому же в этом мире только ты способен общаться со мной. Я могу помогать лишь тебе, вмешиваться в чужие судьбы напрямую мне не под силу».

Увидев отчаяние и беспомощность в глазах юного цзюньвана, Чэн Янь мысленно усмехнулся и продолжил:

«Но ты можешь сам спасти тех, кто тебе дорог».

Чу Ван просиял. Он крепко сжал подвеску и воскликнул:

— Правда? Я могу? Что мне нужно делать!

Голос Чэн Яня прозвучал в его голове низко и вкрадчиво, с лёгким оттенком искушения:

«Я могу наделить тебя властью, богатством, талантами и силой. Я сделаю тебя умным и могущественным. А когда ты станешь достаточно силён, то сможешь защитить любого, кого любишь».

Чу Ван на мгновение растерялся.

Власть... Богатство... Эти понятия были для него пустым звуком, он совершенно не понимал, зачем они ему нужны.

Но тут его осенило. Он уставился на нефрит сияющим взглядом:

— Ты правда можешь сделать меня умным?

«Да», — подтвердил Чэн Янь.

— Я знаю... все говорят, что я дурачок. Потому что я не соображаю, плохо читаю и ничего не умею делать... — В глазах Чу Вана промелькнула тень грусти. — Если я стану умным, я ведь смогу защитить Чигуаня?

В голосе Чэн Яня послышалась едва уловимая улыбка:

«Безусловно».

Чу Ван просиял:

— Тогда мне не нужно богатство и власть! Я хочу только стать умным, чтобы защитить Чигуаня!

«Договорились, — ответил Чэн Янь. — Твой недуг — лишь следствие яда, оставшегося в крови. Я помогу тебе вывести его, и твой разум постепенно окрепнет».

Наблюдая за восторгом Чу Вана, Чэн Янь довольно усмехнулся. Пусть этот маленький дурачок станет умнее — и тогда он сам увидит, чего стоит чужое притворство.

<http://bllate.org/book/15870/1436538>